

3. Худякова, А.А. Грамматические особенности и стилистический потенциал метафорической биномиальной конструкции типа 'a shadow of a smile' в современном английском языке : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04 / А.А. Худякова. – Барнаул, 2007. – 160 с.
4. Ухина, Ю.Л. Субстантивы с вторичным метафорическим значением количества в русском и английском языках : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.20 / Ю.Л. Ухина. – Казань, 2005. – 202 с.
5. Шершукова, О.А. Способы количественной характеристики объектов: на материале португальского языка : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.05 / О.А. Шершукова. – Москва, 2002. – 266 с.

УДК 811.161.3'66

*Хвесько С.Г., Гордей Н.Н.,
(Гродно, Беларусь)*

**УСЕЧЕНИЕ КАК МОРФОНОЛОГИЧЕСКОЕ СРЕДСТВО ОТСУБСТАНТИВНОЙ ДЕРИВАЦИИ СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ С СУФФИКСОМ -СТВ-
(на материале белорусского языка)**

Стаття присвячена розгляду УСІКАННЯ як лінійного морфологічного засобу деривату іменників з суфіксом –ств- в сучасній білоруській мові. Здійснюється аналіз в аспекті операційної (динамічної) морфології.

Ключові слова: *усікання (елізія), морфологічний засіб, дериват, фономорфологічне усікання, фонологічне усікання.*

Статья посвящена рассмотрению усечения как линейного морфологического средства деривации существительных с суффиксом -ств- в современном белорусском языке. Проводится анализ в аспекте операционной (динамической) морфологии.

Ключевые слова: *усечение (элизия), морфологическое средство, деривация, фономорфологическое усечение, фонологическое усечение.*

The article is devoted to consideration of truncation as a linear morfonological means of derivation of nouns with the suffix of -stv- in the modern Byelorussian language. The analysis in the aspect of operational (dynamic) morfonology is conducted.

Key words: *truncation (elision), morfonologic means, derivation, fonomorfolological truncation, fonological truncation.*

В современном белорусском языке при образовании существительных среднего рода с помощью суффикса **-ств-** используются разнообразные морфологические средства формальной модификации как производящей (мотивирующей) основы, так и словообразовательного форманта для обеспечения их сочетаемости в структуре производной основы. По характеру частеречной принадлежности производящего слова существи-

тельные с суффиксом **-ств-** могут быть мотивированы: 1) существительными: *маста́к* → *маста́цтва*; 2) прилагательными: *харо́шы* → *хараство́*; 3) глаголами: *абавязáць* → *абавязáцельства*; 4) числительными: *пе́ршы* → *першы́нство́*; 5) наречиями: *мно́га* → *мно́ства*. При этом многие производные существительные с суффиксом **-ств-** в современном белорусском языке выявляют множественность мотивации, результатом которой оказывается множественность словообразовательной структуры таких существительных [1: 28-29] и нетождественность морфонологических средств, используемых в словообразовательных парах с различными производящими основами, например: 1. *бадзяг-а* → *бадзяж/ніц/тва* (*бадзяг-* + */-нік-/* + *-ств-*); словообразованию сопутствуют интерфиксация, чередование *г* → *ж* на стыке производящей основы и интерфикса **-ник-** и чередование *к + с* → *ц* на стыке интерфикса и суффикса **-ств-**; 2. *бадзяжніча-ць* → *бадзяжніцтва* (*бадзяжніч-* + *-ств-*); словообразованию сопутствуют усечение производящей основы и чередование *ч + с* → *ц* на стыке производящей основы и суффикса **-ств-**. В связи со сказанным представляется целесообразным учитывать в лингвистическом представлении морфонологических средств словообразования существительных с суффиксом **-ств-** все возможные случаи мотивации каждого конкретного субстантивного деривата для того, чтобы сделать такое представление максимально полным, выявить закономерности формальной модификации производящих основ и словообразовательного форманта, определить степень продуктивности и регулярности морфонологических моделей в пределах каждого словообразовательного типа.

Цель этой статьи – представить систематизированное описание усечения как линейного морфонологического средства отсубстантивной деривации существительных с суффиксом **-ств-** в современном белорусском языке. Материалом исследования являются 720 словообразовательных пар, установление которых происходило с опорой на лексикографические источники различных типов – словообразовательные, морфемные, нормативные и толковые словари белорусского и русского языков [2; 3; 4; 5; 6; 7; 8; 9; 1]. В большинстве словообразовательных пар производные слова подпадают под суффиксальный или приставочно-суффиксальный способы словообразования, однако из исследования не исключаются и такие пары, в которых производные существительные являются сложно-суффиксальными дериватами, например: *адзіная ве́ра* → *адзінаве́рства*, “*Змена вех*” (название сборника) → *змена́вехаўства* и под.

Согласно проведенному исследованию 10% производных отсубстантивных существительных с суффиксом **-ств-** имеют в современном белорусском языке усеченную производящую основу. Иначе говоря, усечение, или элизия [10: 55] производящей субстантивной основы перед суффиксом **-ств-** наблюдается в каждой десятой словообразовательной паре. В абсолютном большинстве случаев усекаемые финалы производящей основы являются морфами или субморфами, а само усечение, по терминологии Д. Ворта [11], имеет статус фонеморфологического. Регулярно перед суффиксом **-ств-** усекается морф **-эц(-ац)** (примерно 50% от всех случаев усечения субстантивных производящих основ), например: *ашукáн-ец* → *ашукáнств-а*; *бе́жан-ец* → *бе́жанства*; *вегетары́я =-ец* → *вегетары́я =AB20*; *канфу́цыя =-ец* → *канфу́цыя =AB20*; *марна́трав-ец* → *марна́траўства*; *ніканія =-ец* → *ніканія =AB20*; *паражэ́ =-ец* → *паражэ́ =AB20*; *утрыма́н-ец* → *утрыма́нства*; *яка́бін-ец* → *яка́бінства*; *духабо́р-ац* → *духабо́рства*. Усекаемыми финалами – мор-

фами или субморфами – могут также быть **-ін**, **-#к** и в единичных случаях – **ік**, **-нік**, **-асць**, **-ц**: *дваран-ін* → *дваранства*; *ніканія =-ін* → *ніканія =AB20*; *пурятан-ін* → *пурятанства*; *славян-ін* → *славя =AB20*; *хрысція =-ін* → *хрысція =AB20*; *дво́е, жо́н-к-а* → *два́жжэства*; *адна́ дум-к-а* → *аднадумства*; *пато́м-ак* → *пато́мства*; *жу́л-ік* → *жу́льніцтва*; *началь-нік* → *начальства*; *зля́ рад-асць* → *зларадства*; *прамо́ў-ца* → *прамо́ўніцтва*.

Усекаемые финали производящих основ являются посткорневыми и субститутивными, иначе говоря, такими, которые в структуре производной основы заменяются на другой морф, а именно, на суффикс **-ств-** [12: 99]. В некоторых случаях (выявлено 6 словообразовательных пар) усечению производящих основ сопутствует интерфиксация, которая приводит к расширению производящей основы за счет асемантической прокладки, занимающей в структуре производной основы место усекаемой финали: *дабраво́л-ец* → *дабраво́ль/ніц/ств-а* (*дабраво́ль[нік-ств]-а*); *жу́л-ік* → *жу́ль/ніц/ств-а* (*жу́ль[нік-ств]-а*); *прадпрыём-ец* → *прадпрыём/ніц/ств-а* (*прадпрыём[нік-ств]-а*); *прамо́ў-ца* → *прамо́ў/ніц/ств-а* (*прамо́ў[нік-ств]а*); *сва[й-а]к* (орфогр. *свая* 'к) → *сва[й]/[а]ў/ств-о* (орфогр. *сваяўствó*); *паслу́ш-нік* → *паслу́ш/э =ств-а*. Во всех приведенных примерах, кроме последнего, интерфиксация не является фонологически обусловленной, иначе говоря, не зависит от фонологической характеристики ауслота производящей основы, ср.: *бабы́льства* и *дабраво́ль/ніц/тва* или *геро́йства* и *сва[й]/[а]ў/ствó*, и действует по аналогии, ср.: *вершава́льніцтва* (от *вершава́льнік*) и *дабраво́льніцтва* (от *дабраво́лец*) или *кумаўствó* (от *кум*) и *сваяўствó* (от *свая* :). И только в структуре производного существительного *паслу́ш/э =ств-а* интерфиксация позиционно обусловленная: она используется как морфонологическое средство устранения сочетания согласных фонем на морфемной границе. При этом очевидно, что сам интерфикс не предсказывается фонологическим окружением и выбирается по аналогии, ср.: *паслу́шэ =AB2a* как *вылучэ =AB2a*, *перараджэ =AB2a*, *летуце́нства*, *непраціўле́нства*.

В единичных случаях отсубстантивного словообразования существительных с суффиксом **-ств-** наблюдается так называемое фонологическое усечение [11]. Суть этой разновидности усечения заключается в том, что при присоединении словообразовательного форманта производящая основа теряет одну (последнюю) фонему или сочетание фонем, которые не соотносятся с экспонентом какого-нибудь морфа. Такое усечение является в большинстве случаев корневым несубститутивным, вызывается действием фонологического фактора и по функции является морфонологическим механизмом компрессии (упрощения) [13: 564] консонантных групп, возникающих на стыке производящей основы и словообразовательного форманта. Как правило, под фонологическое усечение перед суффиксом **-ств-** подпадают такие основы производящих существительных, которые оканчиваются на щелевые согласные фонемы – заднеязычные или переднеязычные шипящие и свистящие: *манá-х* → *манá-ств-а*, *схамарó-х* → *схамарó-ств-а*, *стальма́-х* → *стальма́-ств-а*, *кня́-зь* → *кня́-ств-а*, *тава́ры-ш* → *тава́ры -AB2-0*. Нетрудно заметить, что причина элизии производящей основы во всех приведенных случаях одинакова: ликвидация сочетания тождественных по способу образования фонем на стыке производящей основы и суффикса **-ств-**.

Нестандартные для лингвистической интерпретации случаи усечения производящей основы представлены в словообразовательных парах *сві́ння 'A2i=AB20*, *кліку́ша* → *кліку́ства*, *раме́нік* → *рамя́ствó*.

Статус усекаемого сегмента производящей основы *свін'н'* определяется в зависимости от того, как характеризуется данная основа с точки зрения ее членимости. Если считать эту основу нечленимой, то надо признать: усекаемый перед суффиксом **-ств-** сегмент является одной (последней) из двух одинаковых согласных фонем /н'н'/, что оформляют ауслуат данной производящей основы, а само усечение имеет статус фонологического (ср.: *свін'н'-ál* и *свін-ств-а*). Если же рассматривать основу существительного *свін'н'-ál* как формально членимую, в структуре которой выделяется субморф **-н'** (ср.: *свіна́с, свіна́р, сві́нскі, сві́нтус, сві́нушнік*), восходящий к суффиксу **-н'**, имеющему место в основе существительных женского рода, производных от существительных мужского рода, например, *б'яг'ун'н'-а* ← *б'яг'ун* (ср.: *свін'н'-ál* ← **свін*), то надо признать, что образованию существительного *сві́нства*, как, впрочем, и образованию других однокоренных слов, сопутствует фоморфологическое усечение производящей основы.

В словообразовательной паре *кли́куша* → *кли́ку́ства* наблюдается фонологическое усечение производящей основы *кли́куш-*, однако, в отличие от других случаев фонологической элизии, данное усечение является субститутивным: усекаемая переднеязычная шипящая фонема **ш** производящей основы замещается в производной основе фонемой **н**, которую с морфонологической точки зрения целесообразно признать экспонентам позиционно обусловленного интерфикса: *кли́ку́н/ств-а* (ср. с формально и семантически оправданным, но нереализованным **кли́ку́ства*). Понятно, что такое лингвистическое решение может вызвать вопрос: почему фонему **н** в экспоненте основы производного существительного *кли́ку́ства* следует рассматривать как интерфикс, а не как сегмент производящей основы *кли́ку́н* (ср.: *кли́ку́ства* ← *кли́ку́н* как *дзі́ку́ства* ← *дзі́ку́н*)? На этот вопрос можно дать следующий ответ: существительное *кли́ку́ства* не может мотивироваться существительным *кли́ку́н*, потому что между этими словами нет никакой семантической связи: *кли́ку́н* – ‘один из видов лебедей’, а *кли́ку́ства* – ‘нервное истерическое заблуждение женщин, которое выражается в судорожных припадках и визжании’; это значит, что мотивирующим для слова *кли́ку́ства* может быть только существительное *кли́ку́ша*, которое имеет значение ‘нервнобольная женщина, истерические припадки которой сопровождаются резкими криками, визжанием’ [7 (2: 699)]. Приведенный случай еще раз подтверждает одно из положений теории морфонологии: лингвистическая интерпретация морфемных модификаций, сопутствующих словообразовательным процессам, в значительной степени зависит от установления отношений производности между единицами словообразовательного гнезда.

Производное существительное *рамя́ствó* ← *раме́сник* имеет затемненную словообразовательную структуру, что является результатом неоднократного – фоморфологического и фонологического – усечения производящей основы. Так, присоединению суффикса **-ств-** к основе производящего существительного *раме́сник* сначала предшествует усечение финали **-нік**, состоящей из двух морфов (ср.: *раме́с-н-ы, раме́сн-ік*). В результате этого усечения на стыке производящей основы и словообразовательного форманта возникает неудобное для произношения сочетание двух одинаковых щелевых свистящих фонем: *рамяс-* + *-ств-ó*, которое ликвидируется за счет последней фонемы производящей основы, и словообразовательная структура производного существительного приобретает вид *рамя-ств-ó* (ср.: *кня -АВ2-0* := *О [с]- + -ств-а*).

Итак, при отсубстантивном словообразовании существительных с помощью суффикса **-ств-** наблюдаются усечения принципиально разных видов. Фоморфологические

усечения являются средством организации морфемной последовательности в пределах основы мотивированного слова, иначе говоря, маркируют сферу синтагматики языковых знаков. Фонологические усечения по характеру реализации приближаются к чередованию фонем, и в первую очередь, к чередованию материально выраженной фонемы с фонологическим нулем. Усечения этого вида не только обеспечивают синтагматику морфем в пределах производной основы, но и предопределяют явление алломорфии, ср.: *князь – кня ства, тавáрыш – тавары ства, свíня свíнства* и под. Иначе говоря, фонологические усечения маркируют как сферу морфемной синтагматики, так и сферу морфемной парадигматики.

Отсубстантивному словообразованию существительных с суффиксом **-ств-** сопутствует в основном фономорфологическое усечение производящих основ, регулярное в таких словообразовательных парах, в которых производящее слово имеет основу с финалью **-эц(-ац)**. В словообразовательных парах с другими структурными характеристиками производящих основ фономорфологическое усечение – непродуктивное и нерегулярное явление. Очевидно, что на продуктивность и регулярность усечения этого вида влияют особенности деривационной структуры производящего слова, а это значит, что основным фактором его реализации является словообразовательный фактор.

Фонологическое усечение имеет низкую степень продуктивности в сфере отсубстантивной деривации существительных с суффиксом **-ств-**. Однако при этом оно оказывается абсолютно регулярным. Регулярность усечения данного вида обеспечивается его позиционной обусловленностью и фонологическим фактором реализации: оно неизбежно происходит в тех случаях, когда производящая основа с определенными фонологическими характеристиками ауслота оказывается непосредственно перед словообразовательным суффиксом. Регулярность фонологического усечения дает основание сформулировать морфонологическое правило использования этого морфонологического средства в сфере отсубстантивной деривации существительных с суффиксом **-ств-**: при образовании существительных от существительных с помощью суффикса **-ств-** последняя согласная фонема производящей основы перед данным суффиксом усечается, если это фонема *г*, или *х*, или *з*, или *з'*, или *с*, или *с'*, или *ж*, или *ш*.

ЛИТЕРАТУРА

1. Тихонов, А.Н. Словообразовательный словарь русского языка : В 2-х т. / А.Н. Тихонов. – М. : Рус. яз., 1985.
2. Бардовіч, А.М. Школьны словаўтваральны слоўнік беларускай мовы / А.М. Бардовіч, М.М. Круталевіч, А.А. Лукашанец; пад рэд. А.М. Бардовіча. – Мінск : Аверсэв, 2006. – 512 с.
3. Бардовіч, А.М. Марфемны слоўнік беларускай мовы / А.М. Бардовіч, Л.М. Шакур. – 2-е выд., перапрац. і дап. – Мн. : Выш. шк., 1989. – 718 с.
4. Слоўнік беларускай мовы: Арфаграфія. Арфапія. Акцэнтацыя. Словазмяненне / Ін-т мовазнаўства імя Я. Коласа АН БССР; пад рэд. М.В. Бірылы. – Мінск : БелСЭ, 1987. – 903 с.
5. Граматычны слоўнік назоўніка / НАН Беларусі, Ін-т мовы і літаратуры імя Я. Коласа і Я. Купалы; уклад. Г.У. Арашонкава [і інш.]; навук. рэд. А.Я. Міхневіч, В.П. Русак. – Мінск : Беларус. навука, 2008. – 1379 с.

6. Піскуноў, Ф.А. Вялікі слоўнік беларускай мовы : Арфаграфія, акцэнтацыя, парадыгматыка : каля 223 тысяч слоў / Фёдар Піскуноў. – Мінск : Зміцер Колас, 2012. – XVI + 1196 с.
7. Тлумачальны слоўнік беларускай мовы: у 5 т. / рэдкал.: А.Я. Баханькоў [і інш.]; АН БССР, Ін-т мовазнаўства імя Якуба Коласа; пад аг. рэд. К.К. Атраховіча (Кандрата Крапівы). – Мінск : БелСЭ, 1977–1984. – 5 т.
8. Тлумачальны слоўнік беларускай літаратурнай мовы / НАН Беларусі, Ін-т мовазнаўства імя Я. Коласа; аўт: І.М. Бунчук, М. Крыўко, З.М. Кудрэйка; пад рэд. М.Р. Судніка.- 4-е выд.- Мінск : БелЭн, 2005. – 783 с.
9. Кузнецова, А.И. Словарь морфем русского языка : Ок. 52 000 слов / А.И. Кузнецова, Т.Ф. Ефремова. – М. : Рус. яз, 1986. – 1136 с.
10. Касевич, В.Б. Морфонология / В.Б. Касевич. – Л. : Изд-во Ленинградского ун-та, 1986. – 160 с.
11. Ворт, Д. К типологии усечения / Д. Ворт // Очерки по русской филологии / Д. Ворт; перевод с англ. К.К. Богатырева. – М. : Индрик, 2006. – С. 86–95.
12. Улуханов, И.С. О видах усечения основ мотивирующих слов в русском словообразовании / И.С. Улуханов // Развитие современного русского языка. 1972. Словообразование. Членимость слова / Академия наук СССР, Ин-т русского языка; отв. ред. Е.А. Земская. – М. : Наука, 1975. – С. 95-113.
13. Лингвистический энциклопедический словарь / Научно-редакционный совет издательства “Советская энциклопедия”, Ин-т языкознания АН СССР; редкол.: Н.Д. Арутюнова [и др.]; гл. ред. В.Н. Ярцева. – М.: “Советская энциклопедия”, 1990. – 685 с.